



Философские проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина

УНИКАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ПОНЯТИЯ «АРХЕТИП»

***Аннотация.** Рассматриваются истоки понятия «архетип», которое древнегреческие философы применяли в значении «первообраз, образ, образец». Понятие «архетип» философы того периода использовали в диапазоне достаточно большого количества значений и смыслов.*

Обсуждаются тенденции отнесения к архетипам иных образов, которые осуществлял К.Г. Юнг. Он использовал понятие «архетип» в значении первичных схем образов.

Приводятся некоторые архетипы, которые были наиболее интересны К.Г. Юнгу. Среди выделенных им архетипов следует назвать: Младенец и Дева, Мать и Возрождение, Дух и Трикстер. Отдельно К.Г. Юнг рассматривал бога Вотана – древнейший образ грозы и неистовства, архетип, которому поклонялись немцы в средние века и в период становления фашистской Германии.

Автор этой работы рассматривает сущностную природу следующих архетипов: персонажей Книги Ветхого Завета – Каина и Хама; персонажей Книги Нового Завета – Иисуса и его апостолов: Петра, Фомы, Иуды, а также архетип сатаны. Иисус – особая ипостась. Многие персонажи, очевидно, были конкретными людьми во плоти, имели принадлежащие им имена, и каждый – свои особенности. Некоторые их черты (личностные качества) превратили библейских персонажей в особые архетипы, которые во все последующие времена, в силу их негативных проявлений, по существу, стали так называемыми синдромами, знаменующими собой негативные личностные качества, настолько сконцентрированные в конкретной персоне, что одно имя их стало знаком конкретного симптома.

Далее рассматриваются образы-символы, начавшие складываться на заре истории человечества: 1 – архетипические символы (местоимения, несущие в себе значения и смыслы социальных позиций человека по отношению друг к другу): «они», «мы», «я», «не-я», «Я и другие», которые имеют особые значения и смыслы, влияющие на самосознание и поведение людей во всей их истории; 2 – такие сущностные архетипические

символы, как «свои – чужие», «хороший – плохой», «добро – зло» и тому подобные антонимы в их известном множестве. Особое место занимают архетипы понятий «они», «мы», «я» и «личность».

Многие понятия, развившиеся в истории человеческой культуры и вошедшие в сферы Великого идеополя общественного самосознания, по существу, берут на себя функции архетипов.

Ключевые слова: архетип – первообраз, образ, образец; архетип – знак; архетипы мифов; архетипы Книги Ветхого Завета (Каин, Хам); архетипы Книги Нового Завета (Петр, Фома, Иуда, сатана); архетип Иисуса; архетипы-синдромы; архетипические символы местоимений «они», «мы», «я»; архетипические символы-антонимы «свои – чужие», «хороший – плохой»; «добро – зло»; архетип «личность – Я» и др.; дуализм обсуждаемых архетипов.

Abstract. *Origins of “archetype” concept which by ancient Greek philosophers was used in the meaning of prototype, image, and pattern are considered. Philosophers of that period used concept of “archetype” in wide range of meanings and senses.*

C.G. Jung’s tendency to attribute other images as archetypes is discussed. He used the concept of archetype in the meaning of primordial pattern. Some archetypes that were interesting for C.G. Jung are described. The archetypes of the Mother, the Child, the Trickster, the Virgin, the Spirit and the Flood are among them. C.G. Jung examined also Wotan War God – an ancient image of terror and fury – an archetype to whom Germans in middle ages and in the period of fascist Germany formation worshipped.

The author of the article examines essential nature of such archetypes as Cain and Ham - characters from the Old Testament book; Jesus and his apostles Peter, Thomas, Judas – characters from the New Testament book; archetype of Satan is examined as well. Jesus is a very particular hypostasis. Many persons evidently were real people in flesh and blood; they had their own names and individual peculiarities. Some of their features (personal characteristics) turn biblical characters into special archetypes which in subsequent periods due to their negative manifestations have become so called syndromes symbolizing negative personal qualities that were so concentrated in a certain person that his/her name became a symbol of the symptom.

Then such image – symbols that emerged at the dawn of civilization as: 1– archetypical symbols of pronouns “they”, “we”, “I”, “not me”, “I and others”, which have special meanings and senses influencing on man’s self – consciousness and behavior during all mankind’s history; 2 – essential archetypical symbols as “own-alien”, “good – bad”, “kind – evil” and all the antonyms are considered in the article. Archetypes “Personality”, “they”, “we” and “I” have a special rank.

A number of notions which have been developed in the history on man’s culture and which are in the sphere of Great Ideo-field of social self-consciousness take functions of archetypes upon themselves.

Keywords: *archetype – prototype, image, pattern; archetype – sign; archetypes of myths; archetypes of the Old Testament book (Cain and Ham); archetypes of the New Testament book (Peter, Thomas Judas, Satan); archetype of Jesus; archetypes – syndromes; archetypical symbols of pronouns “they”, “we”, “I”; archetypical symbols – antonyms “own – alien”, “good – bad”, “kind – evil”; archetype “personality – I”, etc.*

Люцифер – Каину: «Но весь ты умереть не можешь: нечто в тебе бессмертно».

Дж. Г. Байрон

Итак, что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию.

1 Кор. 14:26

1. К истории понятия «архетип»

Понятие «архетип» было включено в философию Древней Греции

Архетип – понятие, которое древнегреческие философы использовали в значении «первообраз, образ, образец». Начиная с великого Платона, философы неизменно обращались к обсуждению: идей в качестве образа или образца, образа – как подобия истинного, образца – как идеи. Понятие «архетип» философы того периода истории использовали в диапазоне достаточно большого числа значений и смыслов. Архетипы древних греков касались форм, цветов*, идей и многих других предметов их внимания [1–5]. Заинтересованный читатель может изучить собрания сочинений Платона, Аристотеля и других философов Древней Греции. В переводах с греческого понятие *archētypos*** на русском языке подменялось многими другими словами, приближенными в той или иной мере к греческому значению этого слова.

В XX веке К.Г. Юнг воспользовался понятием «архетип», применив его в новом значении

Спустя тысячелетия, в XX веке, швейцарский психиатр и психолог К.Г. Юнг обратился к понятию «архетип», которым постоянно и свободно пользовались великие греки, и стал рассматривать его, исходя из собственных соображений и, прежде всего, в связи с теоретическим анализом мифов. К. Юнг использовал понятие «архетип» в значении первичных схем образов, которые воспроизводились людьми бессознательно и априорно формировали обновленные образы, подспудно существующие в мифах и верованиях. В понимании К. Юнга, архетипы – это не сами образы, а схемы образов [6; 7]. Мы здесь не будем обсуждать теоретические позиции исследователя мифов и психоаналитика. Однако упомя-

* О формах предметов и ахроматических цветах Платон писал как о первообразах, как об архетипах, которые априори имеют свои сущностно присущие им свойства.

** *Archētypos* [гр. *archē* начало + *typos* – отпечаток, форма, образец].

нем некоторые архетипы, которые были наиболее интересны К.Г. Юнгу и которые не единожды обсуждались им в разных контекстах исследований.

Обсуждая феномен коллективного бессознательно-го [7, с. 217–242], К.Г. Юнг обращался к архетипам мужчины [Там же, с. 219] и женщины [Там же, с. 220], колдунов и демонов [Там же, с. 220–221], колдовских демонов [Там же, с. 224], тени [Там же], мудрого старца [Там же] и ко многим другим архетипам.

Исследуя мифы и сказки, психолог писал, что «архетипы появляются по большей части в виде проекций... эти проекции проявляются в том случае, если они бессознательны, на людях соответствующего круга, как правило, в виде аномальных недо- или переоценок, как возбудители всяческого рода недоразумений, споров, грез, сумасбродств» [Там же, с. 223].

Архетипы в качестве доминант: «Они – владыки, боги»

Архетипы К.Г. Юнг уподобляет доминантам. «Они – владыки, боги», то есть доминирующие образы, «которые душа всякий раз переживает заново» [Там же, с. 222–223]. Психоаналитик отмечал, что архетипы могут пониматься как эффект или осадок имевших место переживаний. Точно так же они появляются как факторы, которые вызывают сходные переживания.

Шесть архетипов как модель наших сущностей

В другой известной работе «Душа и миф: шесть архетипов» К.Г. Юнг обсуждал архетипы, которые выделил по основаниям, продиктованным образами, рожденными в истории рода человеческого [8]. Он рассматривал следующие типы коллективного бессознательного: Младенец, Дева, Мать, Возрождение, Дух и Трикстер*.

Вотан – архетип немецкого идеала

Анализируя миф о психологии нацизма, К.Г. Юнг в преддверии Второй мировой войны (1936) издал знаменательную работу – «Вотан». Он пытался разобраться в истории возрождения немецкого архетипа Вотана, древнейшего образа грозы и неистовства, когда-то присутствовавшего в коллективном сознании немцев, потом забытого и до последнего времени пребывавшего в забвении. Человек первой половины XX столетия, К.Г. Юнг с изумлением писал о том, «что происходит ныне в цивилизованной стране, вроде бы преодолевшей уровень Средних веков; это – пробуждение к новой жизни Вотана...» [9, с. 214].

К.Г. Юнг с чувством глубокого удивления констатировал: «Гитлеровское движение буквально подняло всю

* *Трикстер* (англ. Trickster – обманщик, ловкач) – призрак, который присутствует в мифологиях всех времен, иногда в не оставляющей никакого сомнения форме, а иногда в измененном обличье [7, с. 338–356].

Германию – от пятилетних детей до стариков – на ноги, и породило образ нации, передвигающейся с одного места на другое. Бог Вотан пустился в свое странствие» [9, с. 214].

Вотан – это неугомонный странник, там и сям порождающий смуту, сеющий раздоры и творящий волшебства. Согласно К.Г. Юнгу, со времен Ф. Ницше иррациональность стала постепенно рассматриваться как некий идеал. Многие философы и ученые были ориентированы на постепенное отвержение действительности и отрицание жизни как таковой.

«Германия – страна духовных катастроф»

К.Г. Юнг писал: «Германия – страна духовных катастроф» [Там же, с. 222]. Вотана можно узнать по тем политическим неурядицам и духовным переворотам, которые он успел породить на протяжении всей истории. И далее: «поскольку поведение расы черпает свою специфику из присущих ей фундаментальных образов, мы можем говорить об архетипе Вотана» [Там же, с. 223].

Значения и смыслы скрытой сущности личности

В своем труде о современных мифах К.Г. Юнг дал нам понять, что Ф. Ницше (в 1893 или 1894 году) написал в стихотворении «Неведомому богу»:

*Я хочу познать и познаю Тебя, о, Неведомый,
Проникающий в глубины моей души,
Прносящийся сквозь мою жизнь, как буря,
Неуловимый, но родственный мне!
Я хочу познать Тебя и познаю Тебя,
и буду служить Тебе!*

Эти слова, согласно К.Г. Юнгу, посвящаются идолу, которому мы поклоняемся в себе, – личности. Личности как близкому и ускользающему фетишу.

Личность для европейской культуры фетиш – предмет, наделенный некой сверхъестественной силой и являющийся в сознании окружающих субъектом. «Личность» в сознании современной европейской философии и науки – давно сформировавшееся понятие со сложившимися значениями и смыслами и своеобразный архетип.

На милости психической «преисподней»

Обсуждая проблемы бессознательного, К.Г. Юнг писал: «Современный человек не понимает, насколько его “рационализм” (расстроивший его способность отвечать божественным символам и идеям) отдал его на милость психической “преисподней”. Он освободил себя от суеверий (как он полагает), но при этом до опасной степени утратил свои духовные ценности. Его моральная и духовная традиция распалась, и теперь он рас-

Часть разума, производящая символы, мало исследована по сей день

плачивается за это повсеместное распадение дезориентацией и разобщенностью» [10, с. 106].

Психолог полагал, что «самая сложная и неведомая часть разума, производящая символы, до сих пор не исследована. <...> Фактическое знание о бессознательном показывает, что это природное явление... Бессознательное содержит все аспекты человеческой природы – свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость» [Там же, с. 117].

Индивидуальный и коллективный символизм, формирующиеся в истории архетипы – феномены, которые, по существу, мало изучены исследователями.

2. Природа феноменов архетипов

Человечество реально недостаточно разобралось в природе архетипов

Как бы то ни было, несмотря на многие выдающиеся исследования, человечество реально недостаточно разобралось в природе символов и, в частности, в природе феномена архетипов.

Идеи К.Г. Юнга о свойственных человечеству архетипах реально являются шлейфом, рожденным идеями древних греков. Однако реально сами архетипы, описываемые Платоном и Аристотелем, отнюдь не рядоположны архетипам К.Г. Юнга. Как мы увидим далее, в Великом идеополе нашего человеческого самосознания существует множество взаимоналагающихся и взаимно нерядоположных архетипов, которые сосуществуют в космосе языков, образов и идей, рожденных в процессе истории человечества.

Обратимся к созвездию библейских архетипов.

3. Библейские архетипы: Христос и его апостолы

Обращение к библейским архетипам дает возможность лучше рассмотреть человека

Пораженная и восхищенная разнообразием архетипов у Платона и Аристотеля, а также новым видением архетипов К.Г. Юнга и его свободой при выборе и утверждении значимых для него архетипов-символов, я, разрабатывая идеи о феноменологии личности, обратилась к библейским архетипам.

Назову лишь некоторые из *библейских архетипов*. Я обратилась к образам Христа и его апостолов, чтобы объяснить себе некоторые личностные особенности, которые неизменно проявлялись во мне, в моих поступках, а также в поступках близких и далеких для меня людей [11; 12]. Эти мои душевные проявления подчас превращали меня в человека, глубоко страдающего из-за сомнений относительно моей духовной жизни и определения для себя внутренней позиции в отношении к поступкам моих учеников и моих подопечных.

В то же время для меня стали откровением образы христианских архетипов: Каина [13; 14], Хама [15; 16], апостола Фомы [17], апостола Иуды [18], а также особого субъекта зла – сатаны [19].

Архетипы позволяют осознавать давно знакомое – они знаки и модели наших предтеч

В своем стремлении к познанию нашей человеческой сущности я не смогла не обратиться к библейским историям. Приведу некоторые тексты из прежде продуманного и описанного: «Как-то я, читая Книги Нового Завета, вдруг как бы заново осознала давно знакомое. Сколько боли приносили Иисусу его ученики. При этом Он, как Бог, видел и знал наперед, кто и как причинит Его сердцу глубочайшую боль. Не раз восклицал Он: “Почто вы такие неверные?” <...> На горе Елеонской Иисус сказал своим ученикам: “Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада.

Но Петр сказал ему в ответ: “Если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь”.

Иисус предупредил его: “Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отрешись от Меня”. Так и случилось» [11, с. 191].

Ученики Иисуса в конце концов осознали свою несостоятельность

Иисус и Его двенадцать апостолов, двенадцать учеников... Ученики в конце концов смогли проникнуть в смысл притчей Иисуса, осознали собственную несостоятельность и вышли из состояния нерешительности.

Я мучительно размышляла и продолжаю размышлять о личностном выборе Иисуса и о возможностях человека как личности: «Сия назидательная история имеет множество смыслов и контекстов. Для меня стало вдруг пронзительно значимо, что хотя Иисус знал наперед, как проявят себя его ученики, но не оставлял их. Апостолы же, пройдя через свои падения и слабости и сокрушаясь о содеянном, пошли к народу проповедовать, понимать и прощать слабости и падения других людей. Они стали учителями. Нашими учителями!» [Там же, с. 192].

Христос и его апостолы стали для многих значимыми архетипами

Христос и его апостолы стали для христиан и просто интеллигентных людей сущностно значимыми архетипами. Осознав и эту ипостась в сфере образно-знаковых систем, выстроенных в истории человечества, я обернулась иной своей стороной «к моим научным детям – моим ученикам. Они так молоды, а искуситель затаенной страсти притязаний на признание так изощрен! Мое дело, стало быть, не изгонять их от себя, а терпеливо наставлять. Бог даст, может статься, что и они станут терпеливо наставлять своих учеников, а их притязания будут, прежде всего, направлены к поиску истины» [11, с. 192; 12, с. 835].

Когда мы говорим о психическом и душевном развитии человека, мы подчас имеем в виду лишь позитивные достижения*. Однако в самих условиях социального развития человека неизбежно присутствуют негативные побуждения: зависть, циничная насмешка, предательство и даже побуждение к убийству.

4. Архетип Каина – братоубийцы

Архетип Каина – завистника и первого убийцы

Размышляя над архетипами, прорастающими в недрах православия, я не могла не обратиться к библейскому образу Каина.

Каин – старший сын Адама, убивший своего брата Авеля.

Я пришла к пониманию: «Сколь ни уникален каждый человек, но его позитивные и негативные свойства являются не единственно ему одному присущими. Свойства, которые мы находим у отдельного человека, присущи и другим. Типичные свойства получают знаковые, словесные обозначения – они входят в словарь родного языка и поэтому прочитываются в пределах сообщества – носителя этих знаков» [13, с. 172; 14, с. 131].

Негативные свойства личности верно называть понятием «синдром»

Я убеждалась: «Негативные свойства личности, которые неизбежно возникают в контексте индивидуального развития в условиях социально-психологического воздействия сфер Великого идеополя общественного самосознания и традиционных ценностных ожиданий общества, полагаю правильным называть понятием “синдром”** с отнесением этого понятия к той значимой мифологической, исторической или литературной персоне, которая пользуется широкой известностью. Здесь главное предугадать, кто из далекого прошлого продолжает жить и сегодня в качестве притчи в

* Возьмем, например, отечественные учебники по психологии развития (психики или личности) или учебники из серии типа «Мэтры мировой психологии»: обычно можно увидеть, что большинство авторов весьма мало рассматривают наши человеческие слабости и недостатки, что микширует объективную истину о нас – человеках.

** *Синдром* (греч. syndromē – стечение) – мед. сочетание признаков (симптомов). Я полагаю допустимым использовать термин «синдром» и как понятие психологии: как сочетание признаков негативных личностных качеств, определенным образом характеризующих человека. Во всяком случае, я позволила себе использовать понятие «синдром» в контексте психологического обсуждения негативных личностных качеств, сложившихся в истории человечества.

Уничужение
человеческого
достоинства

языцех* – в качестве персоны, которая, растеряв в истории другие свои свойства, сохраняет некое негативное, общественно порицаемое качество, приклеившееся навсегда к его собственному имени» [13, с. 173; 14, с. 131–132].

Синдром в значениях, заимствованных от древних греков, дает мне возможность обозначить негативные качества человека, которые неизбежно четко (или весьма условно) повторяются в индивидуальном развитии многих людей. Я стала использовать понятие «синдром» для обозначения всего того, что унижает человеческое достоинство из-за негативных помыслов и проявлений, сущностно воспроизводящих сложившиеся в истории архетипы.

Каин –
неистребимый
архетип
человеческой
сущности

Синдром Каина – затрудненное состояние души завистника. Еще Аристотель среди прочих страстей назвал зависть. Вслед за ним многие мыслители-философы обсуждали в веках проблему зависти. С вниманием мы относимся к текстам Фрэнсиса Бэкона, Бенедикта Спинозы, Джона Локка, Иммануила Канта, Чарльза Дарвина и более поздних мыслителей, которые пытались объяснить феномен человеческой зависти. Однако самый яркий носитель синдрома зависти – Каин.

Синдром Каина – черная страсть, которая с трудом преодолевается разумом и даже искренним желанием преодолеть эту страсть. Возможно, эта страсть накрепко поселяется в сердцах многих людей. Однако я знаю и таких человек, которым зависть неведома, – и они при этом не дауны, а разумные, полноценные люди.

Каин – неистребимый архетип человеческой сущности: нечто в нем действительно бессмертно.

5. Архетип Хама – девиантной личности

Архетип Хама –
преступившего
упорядоченные
заповеди

Хам – библейский персонаж, младший из трех сыновей праведного Ноя. Как-то раз Хам увидел в шатре спящего отца обнаженным и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Братья же взяли одежду отца, «вошли задом» в шатер и «покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего» [Быт. 9:22, 23]. Не должно выдавать скрытой жизни своих родителей.

В Ветхом Завете отношения детей и родителей упорядочены заповедями.

* *Притча во языцех* – здесь: в значении предмета всеобщего обсуждения, названия.

В отношениях детей к родителям, одного человека к другому нередко возникают такие проявления, которые в обыденной жизни мы называем хамством [15, с. 199; 16, с. 50].

Социолог из Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургского христианского университета В.А. Бачинин прислал в наш журнал «Развитие личности» свой поучительный труд «Хам как девиантная личность» [16, с. 76–88]. Автор дал философский анализ проблемы хамства как особой социальной девиации, предпринял рассмотрение социальной катастрофы через призму хамства и поднял проблему рассмотрения девиации как нормы. Сама по себе эта работа обладает нравственной ценностью и высокой научной сензитивностью к обсуждаемой проблеме. Автор писал, что «нередко случается, что девиации принимаются не за аномалии, чем они являются по своей сути, а за проявления некой скрытой сущности...» [16, с. 88]. Этим социолог хотел сказать, что на оценочных уровнях совершаются явные подмены, подстановки, опасные по своим последствиям для духовного состояния общества в неменьшей мере, чем сами девиации.

Имя Хам изначально означало «горячий», но в истории его значение постепенно трансформировалось, превратившись в слово, означающее такие негативные качества, как грубость, наглость, неуважение к ближнему. Хам, безусловно, *архетип девиантной личности*.

Архетип Хама возник в перипетиях межличностных отношений

Архетип* Хама возникает в перипетиях межличностных отношений. «И хотя хамство есть выражение циничного, грубого насилия над честью и достоинством другого человека, оно реально выступает как синдром человека неполноценного, социально незрелого, мстящего за это трусливой наглостью, демонстрируемыми беспардонностью и цинизмом. <...>

Хам – порочное дитя истории человечества» [17, с. 50].

Хам и ныне продолжает цинично насмехаться над тем, кто породил его, или над тем, кто чище его по своей сути.

6. Архетип Фомы неверующего

Архетип Фомы – усомнившегося апостола

Фома – апостол, усомнившийся в воскресении Христа. Апостол Фома проявил сомнение, хотел лично удостовериться в реальности воскресения Иисуса.

Фома – ученик Иисуса. Он проявлял готовность умереть вместе с Иисусом. Однако, когда Иисус после

* Он же синдром.

Своего воскресения явился ученикам, Фома отказался поверить в воскресение Учителя. «Фома же, один из Двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус.

Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в рану от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» [Ин. 20:24, 25].

Не проявлять
сомнений – значит
верить

Верить – значит не проявлять сомнения. Когда Господь вновь явился ученикам, «Фома сказал Ему... “Господь мой и Бог мой!”».

Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» [Ин. 20:28, 29].

История неверия Фомы – дела давно минувших дней. Однако его неверие вошло в сознание православных: слово «Фома» стало синонимом неверия вообще, укором всякому, кто фиксирован на недоверии к другим людям.

Понятие «синдром Фомы» можно адресовать всякому, принцип жизненной позиции которого сомнение, озабоченность неверием людям вообще и каждому отдельному человеку в частности [18, с. 136].

Синдром Фомы – личностная недостаточность, поврежденность мысли, личности и отношений, блуждание духа за пределами человечности.

7. Архетип Иуды – предателя

Архетип Иуды –
лукавого
душепродавца

Безусловным психологически значимым синдромом, который из века в век терзает человечество, является *предательство*.

Предатель зложелателен, он злоупотребляет доверием. Как указывал знаток русской словесности Вл. Даль, предатель – изменник, вероломец, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец.

Универсальной социально-психологической стигмой, клеймящей предательство, прежде всего, является имя одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа – Иуды Искариота. Имя «Иуда» вросло в слово «предатель». Слово «предатель» вросло в имя «Иуда».

Иуда избрал грехи,
не просветленные
благими помыслами

Иуда избрал грехи, не просветленные ни единой добродетелью. В душе его постепенно созревала воля к предательству, вложенная в него дьяволом: «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа Двенадцати» [Лк. 22:3]; «...вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» [Ин. 13:27].

Иуда превратил поцелуй в стигму

В Евангелии от Матфея читаем: «Тогда один из Двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам.

И сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать серебряников;

И с того времени он искал удобного случая предать Его» [Мф. 26:14–16].

Эта история повторяется в Евангелиях от Марка [Мк. 14:10–11] и от Луки [Лк. 22: 4–6].

Иуда превратил поцелуй в стигму, соединив факт предательства с символом любви.

Я уже писала: «Поцелуй испокон веку выражал приветствие, доверие, приязнь. Поцелуй – приложение уст в знак любви и дружбы. Люди целуют любимых, ближних. Люди целуют крест в знак веры в Бога. Люди целуют родную землю в знак выражения любви к Родине.

Иуда посмел через поцелуй коварно предать Христа, перешагнув через Божественную способность Его прощания» [19, с. 171].

Читаем в Библии: «И после.... вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: Что делаешь, делай скорее» [Ин. 13: 27].

В Евангелиях находим описания предательства Иуды: «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» [Мф. 26:48].

«Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно» [Мк. 14:44].

В Евангелии от Луки читаем: «...появился народ, а впереди его шел один из Двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: кого я поцелую, Тот и есть.

Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предашь Сына Человеческого?» [Лк. 22:47–48].

Предательство Иуды есть соединение зависти Каина, низости Хама с грехом измены душепродавца

Я уже выражала свои чувства и мысли, когда писала: «Предательство Иуды есть соединение зависти Каина, низости Хама с грехом злоупотребления доверием, изменой душепродавца...

Предательство – результат способности к тонкой рефлексии на последствия, сущностное проявление кощунственного ума и низкого, черного сердца [19, с. 171].

Не будет конца рассказам о предательстве Иуды. «Леонид Андреев, заключая историю об Иуде Искариоте, справедливо предсказал: “И все – добрые и злые –

одинаково предадут проклятию позорную память его”. Предателя предадут, подвергнут проклятию.

Я понимаю Данте Алигьери, когда он, описывая ад, в последний пояс девятого круга ввел Иуду Искариота, предателя Иисуса Христа. Здесь среди прочих вечных льдов томятся предатели...

Иуда Искарьот (Искариот) наказан тяжелее всех грешников: он обращен головою внутрь средней пасти Люцифера, и тот не только его грызет, но и сдирает у него со спины вечно обновляющуюся кожу» [19, с. 175].

Предательство промышляет лукавым обманом, снискивая доверие лестью и изображением доброжелательства.

Чаще всего предатель находит себе оправдание

Повторюсь: «Предательство произрастает из сложности рефлексивных особенностей личности человека, из изощренности вероломного сознания» [Там же, с. 176].

Предательство – это не только проступок, преступное действие, оно начинается через восхищение или через зависть, оно может проходить сложный путь рефлексий и душевных мук. Предательство может точить душу и сердце предателя или может быть подавлено и отодвинуто из живой памяти и фонить далеко за ее пределами – в сфере бессознательного.

При этом предатель обычно находит оправдание среди мотивов, помыслов и поступков, которые он выдвигает до и после совершенного предательства.

Иуда во веки веков остается архетипом предателя

Между тем я уверена, что не может быть оправдания предательству. Иуда во веки веков остается архетипом предателя. Иуда реально остается способным прорасти в новых поколениях среди людей.

Что касается Каина, Хама, Фомы и Иуды, то они в нашем, современном сознании в большей степени архетипы, чем персоналии, – возможно, жившие когда-то реальные люди.

8. Архетип сатаны – многоликий многогрешник, символ зла

Я не раз убеждалась в том, сколь разнообразны мотивы, определяющие выбор так называемого научного пути

Так сложилась моя жизнь, что мне не было дано только наблюдать и исследовать. Я должна была научиться сопровождать на первых этапах пути в науку молодых людей, большинство из которых были далеки от науки, но которые имели амбиции, связанные с достижениями в ее сфере. За годы и годы работы с молоде-

жью я изумлялась тому, сколь разнообразны мотивы, определяющие выбор так называемого научного пути! Здесь амбиции социального статуса, амбиции управления душами и чувствами других людей, здесь много такого, что фантазии одного человека мало – так велико суммарное разнообразие человеческих вожделений, страстей, порождаемых сферой околонатуры.

И каждому шепчет искуситель: «Тебе дам... если ты поклонись мне»

И каждому шепчет искуситель затаенных помыслов, страстей и затаенного вожделения: «Тебе дам власть над всеми силами... и славу их... если ты поклонись мне».

Вспомним искушение Иисуса...

В Евангелии от Матфея: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола,

И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.

И поступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами...» [Мф. 4:1–3].

«Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”» [Мф. 4:10].

Тогда оставляет Его диавол...

В Евангелии от Луки сказано: «И, окончив всё искушение, диавол отошел от Него до времени» [Лк. 4:13].

Диавол, если отходит, то до времени

Обратим внимание, какие слова: диавол отошел от Него до времени. Это об Иисусе. А мы простые смертные! Диавол мутит сознание и душу притягающего на что-то человека. Бес сознания сбивает человека с пути... Я не хочу этого знать, когда речь идет о моих учениках!

Я – человек. Мое борение за учеников – трудное для меня дело. Это ведение их в науку. Это страдания за их нелюбезные поступки в жизни. Иногда я по страстности натуры была готова расстаться вовсе с недостойным...

Как-то раз, читая Книги Нового Завета, я вдруг как бы заново осознала давно знакомое. Сколько боли приносили Иисусу его ученики! При этом Он, как Бог, видел и знал наперед, кто и как причинит Его сердцу глубочайшую боль. Не раз восклицал Он: «Почему вы такие неверные?»

Его ученики были вначале простыми людьми. Их подчас искушал сатана.

Сатана многогрешен, многомерзок, многоопасен

В Евангелии от Матфея Иисус сказал ученикам: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас...» [Мф. 24:4].

«Библейский сатана многогрешен, многомерзок, многоопасен. Он – главный антагонист Бога и всех вер-

ных ему. Он – враг человеческого рода. Он наветник. Он подстрекатель ко злу. Он соблазнитель. Он льстец. Он цинично прельщает и разрушает душу человека. Он безлюден. Он бездушен. Он бесконечно отчужден от человека.

Сатана многолик.
У него много образов

Сатана многолик. У него много образов. У него много имен.

Он – Самаэль, Дьявол, Вельзевул, Воланд, Люцифер, Денница, Лжепророк, Лукавый, Враг, Велиар, Мефистофель.

В исламе он – Иблис, Шайтан...

И еще... и еще...

За каждым его именем – иной образ, иные оттенки свойств. Но есть неизменное свойство: сатана всегда стремится манипулировать человеком» [20, с. 155].

В образе Дьявола он искушал Иисуса. Не как Бога, но как человека.

Среди прочих искушений дьявол предлагал: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее;

Итак, если Ты поклонись мне, то все будет твое».

Иисус сказал ему в ответ: отойди от меня, сатана; написано: «Господу Богу Твоему поклоняйся, и Ему одному служи» [Лк. 4:6–8].

Дьявол искушал Иисуса. А когда окончил все искушение, «дьявол отошел от Него до времени» [Лк. 4:13].

Сатана успешно манипулирует человеком, безусловно, зная человеческие слабости. Сатана бьет по человеческим слабостям. Основных слабостей человека три. Первая – *любовь к материальным благам*. Вторая – *любовь к мирской власти*. Третья – *любовь к духовной власти*.

Искушая человека через его слабости, сатана не успокаивается, пока ему не удастся победить. Сатана всякий раз, если отходит, то до времени.

Сатана дожидается,
доколе не ослабеет
в человеке совесть

«Сатана бдительно дожидается, доколе не ослабеет в человеке совесть под влиянием тех или иных соблазнов. При этом сам человек может нести в себе признаки архетипа сатаны. Любовь к материальным благам и любовь к мирской власти человек подчас может хорошо понимать как некую свою слабость. Однако человеку куда сложнее отрефлексировать, понять в себе свою любовь к духовной власти над другим человеком» [20, с. 156].

Образов-архетипов
человеческих
качеств реально
много больше...

Я, в какой-то момент прояснив для себя, что библейские персонажи несут в себе идеально выраженные архетипические образы, которые человечество когда-то

взрастило в себе в процессе своей истории, которые в какое-то время осознало и гениально воплотило в образах Каина, Хама, апостолов Иисуса и отдельно – сатаны. Этих образов-архетипов реально в самой Библии куда больше, чем я привлекла для развития моего понимания архетипов, которые создавало и продолжает создавать человечество на своем пути к не всегда ясным для него самого целям.

Архетипы – это не только персоналии: слова-понятия по сути своей тоже архетипы

Анализируя толкование имен и персоналий, за этими именами стоящих, анализируя бесконечное число значений и смыслов, стоящих за местоимениями и понятиями, обозначающими качества человекoв, я не вдруг осознала, что все эти слова – знаки еще одной категории архетипов.

9. Исстари сложившиеся предтечи первых архетипов – слов-понятий

Слова-понятия – предтечи самых ранних архетипов

Хочу выразить уверенность, что в языках народов нашей планеты, безусловно, существует категория слов-понятий, которые, по сути, представляют собой в каждой (национальной, этнической, родовой и др.) общности самые первые, социально значимые первообразы архетипов. Эти слова с давних пор могут знаменовать собой некоторые смыслообразующие сущности, за которыми стоят особые значения и смыслы, определяющие ценностные ориентации, включенные в межличностные отношения человека.

Значение воспитания и подражания в процессе социализации человека

Полагаю, будет полезно обратиться к мыслям Э. Дюркгейма относительно *воспитания* и *подражания*. Французский социолог писал: «Вообще само слово “воспитание” употребляется в очень широком смысле для обозначения совокупности тех влияний, которые природа или люди могут оказать на наш разум или на нашу волю» [21, с. 10]. Далее Э. Дюркгейм рассуждал о том, что воспитание многолико. Реально в обществе столько разных систем воспитания, сколько различных групп. Социолог пришел к следующему определению: «Воспитание – это воздействие, оказываемое старшими поколениями на младшие поколения, которые еще не созрели для общественной жизни. Цель воспитания состоит в создании и развитии у ребенка определенного набора физических, интеллектуальных и нравственных качеств, требуемых от него и политической организацией общества в целом, и специфической средой, в которой ему, в частности, предстоит жить» [Там же, с. 17].

По другим поводам Э. Дюркгейм обращался к проблеме *подражания*. Он писал: «Подражание есть,

бесспорно, явление чисто психологическое; это вытекает уже из того обстоятельства, что оно возникает среди индивидов, не связанных между собою никакими социальными узами» [22, с. 92]. Однако при этом социолог рассуждал не только об инстинкте подражания, но и о подражании как потребности «приводить себя в состояние гармонии с окружающим его обществом и с этой целью усваивать тот образ мыслей и действий, который в этом обществе является общепризнанным» [Там же, с. 94].

Система прямого воздействия на человека

Мы видим, что французский социолог придавал особое значение воспитанию и подражанию как феноменам, содействующим социализации отдельного человека. Действительно, воспитание как условие, содействующее социализации молодого поколения, есть система прямого воздействия на человека, в которую включены не только идеологические и политические постулаты, но и слова-понятия, значения и смыслы которых могут выступать как особые архетипы, выросшие из образов, зашифрованных в прапонятиях, используемых на первых этапах их образования в нашей истории.

Принудительное давление социальных факторов

В своей классической работе «Социология» Э. Дюркгейм выразил уверенность, что главные признаки сложившихся в истории социальных факторов – это независимое от индивидов существование и способность оказывать на людей «принудительное давление». Социолог рассуждал о *коллективных представлениях*, которые в совокупности составляют коллективное, или общее, сознание, и о *принудительном давлении* социальных факторов [23].

Следуя за мыслями Э. Дюркгейма относительно коллективных представлений, Л. Леви-Брюль, в свою очередь, полагал, что эти представления «могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они предстают в ней (личности. – В.М.) из поколения в поколение, они *навязываются* в ней отдельным личностям...» [24, с. 9].

Язык есть несомненная социальная реальность

Философ и психолог писал, что язык есть «несомненная *социальная реальность*, базирующаяся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждой из этих личностей, он предшествует и переживает её» [Там же, с. 9]. В нашем научном знании эти идеи давно были продуманы, осмыслены и переосмыслены.

Л.С. Выготский, обсуждая в своих трудах идеи Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и при-

Социально-
психологическая
сущность личности

нудительном давлении социальных факторов, нашел свои понятия для объяснения тех же самых социальных явлений, сформулировав идею *вращения нормального ребенка в цивилизацию* [25, с. 47].

Я обращалась к обсуждению движения названных здесь идей неоднократно [26; 27]. Рассматривая социально-психологическую сущность личности, я исходила из исторической, социальной и психологической связи сущностей социальной реальности; ее исторически объяснимого принудительного давления, навязывания отдельным личностям; «предписывания» каждому поколению «условий жизни» и придания ему особого характера развития [28, с. 37]. При этом «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений» [29, с. 3].

Эти идеи значимы не только для истории, философии и науки, они имеют принципиальное значение для объяснения феноменологической связи человеческого рода в целом (общества, этноса, государства, цивилизации и др.), каждого нового поколения и каждого отдельного человека.

Личность есть
индивидуальное
бытие общественных
отношений

Я исхожу из многих идей, которые рассматривали человека как существо социальное и личностное. Я настаиваю на том, что *личность есть индивидуальное бытие общественных отношений*. В этом определении заложено понимание того, что: 1 – личность – это социальное в нас (личность – *бытие общественных отношений*); 2 – личность – это индивидуальное бытие в нас (личность – *индивидуальное бытие общественных отношений*) [26, с. 495–496, 831, 953; 27, с. 77–107].

Бытие общественных
отношений
формируется через
присвоение образов
из Великого
идеополя

Я настаиваю на том, что бытие общественных отношений в личности (согласно философским и психологическим идеям и моему собственному видению) формируется через «присвоение» человеком знаний, образов и идей из Великого идеополя общественного самосознания (в том числе – коллективные представления), через накопление в истории развития человечества сущностных идей и знаний о человеке, а также через воспитание, спонтанно складывающееся и контролируемое принудительное давление, а также через спонтанное и сознательное целенаправленное развитие самим человеком своих психических функций и собственной личности [26; 27].

Социализация
каждого нового
поколения –
неоднозначный
процесс

Историческое развитие человечества и социализация каждого нового поколения не однозначный процесс – у него множество составляющих, множество

наложений, которые ведут во многих случаях к неким исторически задаваемым совпадениям во многих культурах и цивилизациях. При этом у него может появляться и множество составляющих, которые по отношению к иным культурам выступают как антагонисты, абсолютно не принимающие воззрений противостоящей стороны.

Не все так однозначно в истории человеческого духа...

Предтечи, сформировавшие архетипы родственных нам цивилизаций

Начнем, однако, с анализа предтеч, которые сформировали самосознание родственных нам цивилизаций.

Вернемся к обсуждению понятия «архетип» и, главное, к расширению диапазона этого понятия за счет сущностно значимых для человечества знаков, отражающих межличностные отношения групп и отдельных персон.

Историк доказывал, что сначала появилось обозначения *они*

В этой связи следует вновь обратиться к глубокому анализу, который провел в своей фундаментальной работе «Социальная психология и история» Б.Ф. Поршнев. Не устаю обращать внимание своих коллег на принципиально значимое положение автора о том, что человек в своей истории открыл для себя сначала иноплеменника, а затем свое племя; сначала появилось обозначение *они*, а затем *мы*. Б.Ф. Поршнев писал, что «если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической плоскости, “они” еще первичнее, чем “мы”» [30, с. 81], и настаивал на том, что вначале появились местоимения *они* и *мы* и позже — *он (она)*, *вы*, *ты*, *я*.

Я полагаю, что историк и психолог Б.Ф. Поршнев имел достаточные основания для заявленной позиции.

В межродовых отношениях люди открывали для себя значения *они* и *мы*

В межродовых отношениях люди, безусловно, открывали для себя значения «*они* – враги, чужие, не *мы*» и «*мы* – люди, свои, не *они*». Именно эти смыслообразования несут в себе архетипические значения и смыслы, глубоко укоренившиеся в нашем сознании испокон веков. Эти словосочетания выросли в самосознание человечества, в некие архетипические знаки-симптомокомплексы, которые распознаются практически «безусловно рефлексивно», на уровне бессознательного. Люди, очевидно, из далекого прошлого кричат друг другу: «Свои!» и «Чужие!». Даже сопутствующие человечеству собаки научены адекватно реагировать на эти знаковые слова. В контексте межродовых (межнациональных, межэтнических, межгосударственных и т.п.) отношений *они* и *мы*, прежде всего, не местоимения родного языка, не субъекты грам-

матики, а чрезвычайно значимые архетипические знаки-символы, ориентирующие сообщества людей в социально-историческом пространстве. Прежде (тысячи и сотни лет назад) архетипические значения *они* и *мы* касались сознания людей, проживающих на сопряженных территориях; сегодня эти архетипические значения могут растекаться по всем частям нашей планеты.

Думаю, что будет полезно рассмотреть местоимения русского языка и как предмет речи.

10. Местоимения русского языка как предмет речи и как семиотический комплекс

В современном академическом словаре обозначены все местоимения русского языка

Они – местоимение личное третьего лица множественного числа

Мы – местоимение личное первого лица множественного числа

Вы – местоимение личное второго лица множественного числа

Он, она – местоимения личные третьего лица единственного числа

Ты – местоимение личное второго лица единственного числа

В русском языке местоимения – это слова-понятия, имеющие особые значения. Обратимся к обсуждению значений и смыслов местоимений, столь значимых в нашем межличностном общении.

Они (их, им, их, ими, о них) – местоимение личное третьего лица множественного числа. Его толкование в Словаре русского языка, подготовленного Институтом русского языка АН СССР, указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или последующем повествовании существительным множественного числа [31, Т. II, с. 618].

Мы (нас, нам, нас, нами, о нас) – местоимение личное первого лица множественного числа. 1. Употребляется для обозначения группы лиц, включая говорящего. 2. Употребляется вместо «я» в авторской речи. 3. Употребляется в разговорной речи вместо «ты» или «вы», когда говорящий хочет подчеркнуть свое участие в чем-либо [Там же, с. 316].

Вы (вас, вам, вас, ва́ми, о вас) – местоимение личное второго лица множественного числа [Там же, Т. I, с. 243]. Употребляется при обращении к нескольким или многим лицам, а также как форма вежливого обращения к одному лицу.

Он (его, ему, его, им, о нем) – местоимение личное третьего лица единственного числа мужского рода [Там же, Т. II, с. 618]. 1. Указывает на предмет речи. <...> 3. Любимый, возлюбленный, герой романа.

Она (её, ей, её, ею и ей, о ней) – местоимение личное третьего лица единственного числа женского рода [Там же]. 1. Указывает на предмет речи. <...> 3. Любимая, возлюбленная, героиня романа.

Ты (тебя, тебе, тебя, тобой и тобою, о тебе) – местоимение личное второго лица единственного числа [Там же, Т. IV, с. 431–432]. 1. Употребляется при обращении к одному лицу (обычно близкому, а также в фамильяр-

Я – местоимение личное первого лица единственного числа

ном обращении). 2. *Разг.* В неопределенно-личных предложениях для обозначения человека вообще.

Я (меня, мне, меня, мной и мною, обо мне) – местоимение личное первого лица единственного числа [31, Т. IV, с. 776–777]. 1. Употребляется для обозначения говорящим самого себя. 2. Употребляется для обозначения сознаваемым человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире, а также для обозначения субъекта (в философии).

Грамматика, презентующая местоимения, показывает, что у них есть первое, второе и третье лицо, единственное и множественное число – ипостаси, которые характеризуют точки отсчета и степени удаленности от первого лица, от *Я*. Есть семиотический комплекс, который не только систематизирует отношения субъектов в рамках грамматики родного языка, но и показывает историю отношений друг к другу субъектов истории и социологии, а также человека к самому себе как к личности = *Я*.

Словарь русского языка середины XX столетия С.И. Ожегова

В словарях русского языка середины XX в. местоимения *они* (*она*, *оно*) представлены в блоке *он*. Обратимся к источникам.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова (изданного в середине XX столетия) местоимения *он*, *она*, *они*, *оно* представлены по факту презентации местоимений в едином блоке (*он*) [32]. В местоимениях явно отсутствуют социально-психологические значения (которые так талантливо выделил Б.Ф. Поршнев [30] и которые наблюдала я у народностей Севера): *они* (указывает на предмет речи) [32, с. 404]; *мы* (служит говорящему для обозначения себя и собеседника или нескольких лиц, включая себя) [Там же, с. 325]; *вы* (употребляется при обращении к нескольким лицам, а также как форма вежливости к одному человеку [Там же, с. 91]; *он*, *она* (указывает на предмет речи, выраженный ранее) [Там же, с. 404]; *оно* (употребляется в значении частицы «это»); *ты* (употребляется при обращении к одному лицу, преимущественно близкому) [Там же, с. 755]; *я* (служит для обозначения говорящим себя самого в окружающей среде как личности) [Там же, с. 845].

В Толковом словаре живого великорусского языка Вл. Даля [33], вышедшем более 130 лет тому назад (1882) *онъ* – название пятнадцатой буквы русской азбуки, *онъ*, *она*, *оно* – местоимения личные третьего лица; мн. *они*. Все остальные: *мы* [Там же, Т. II, с. 364]; *вы* (употребляется при разговоре с одним лицом из вежливости, как бы относясь к человеку, который один сто́ит многих [Там же, Т. I, с. 277]; *ты* (искажен-

ная вежливость заменяет это слово множественным числом, но у нас доселе простой человек говорит всякому *ты*, и Богу, и Государю; на французском и Богу говорят вежливо – *вы*; на немецком вместо *ты*, говорят *вы*, *он* и *они*) <...> [33, Т. IV, с. 447]; *Я* – то же, что назвать себя самого по имени, старорусский *язъ* [Там же, Т. IV, с. 670].

Не ошибался ли Б.Ф. Поршнев в своих предположениях?

Может возникнуть сомнение в правоте Б.Ф. Поршнева, когда акцентировал внимание на значении местоимения *они*. Возможно, он ошибался в своих предположениях?

11. В философии из всех местоимений особым вниманием пользуется местоимение *я*

Следует обратиться к философам, психологам, историкам, этнографам и другим исследователям феномена человеческой сущности.

Не буду обсуждать историю введения в философию и психологию значений и смыслов, включенных в местоимения *я*, а также *они* и *мы*.

Обратимся к философам Древней Греции и последующего времени

Я внимательно изучала труды Платона и Аристотеля. Оказалось, что этих философов мало интересовали понятия-местоимения. Ни *они*, ни *мы*, ни *я* не были предметом их интереса. Однако много позже Р. Декарт, затем И. Кант, а за ними Г.В.Ф. Гегель и другие стали упорно обсуждать феномен «*Я*» как феномен самосознания.

Р. Декарт полагал, что нельзя сомневаться в существовании моего «*Я*»

Рене Декарт (латинизированное имя – Картезий) – один из родоначальников новоевропейской философии. Он обращался к разуму и самосознанию человека, полагая, что на истину «наткнется скорее отдельный человек, чем целый народ» [34, с. 271].

Философ считал, что нельзя сомневаться в существовании моего сознания и моего «*Я*» как его центра, как того, кому принадлежит мое сознание. Он утверждал, что знание субъектом состояний собственного сознания и их отнесенности к «*Я*» – нечто отличное от знания внешних предметов.

«*Я* мыслю, следовательно, *я* существую»

Обсуждая доводы, доказывающие существование Бога и человеческой души, Р. Декарт писал: «Заметив, что истина: *я мыслю, следовательно, я существую*, столь прочна и столь достоверна, что самые причудливые предположения скептиков не способны ее поколебать, я рассудил, что могу без опасения принять ее за первый искомый мною принцип философии» [Там же, с. 282–283]. Философ пытался исследовать: «что *я* такое, и, видя, что *я* могу вообразить, будто у меня нет тела и нет никакого мира, никакого места, где бы *я* находился,

но что я никак не могу вообразить, что я не существую... [34, с. 283]. Он полагал, что «моё я, то есть душа, благодаря которой я есмь, то, что я есмь, совершенно отлична от тела... и, если бы тела даже вовсе не было, душа не перестала бы быть тем, что она есть» [Там же].

Однако, как утверждал философ, в положении «я мыслю, следовательно, я существую» нет ничего, что убеждало бы его в том, что он говорит истину, кроме того, что он ясно видит: для того чтобы мыслить, надо существовать, поэтому он может принять за общее правило, что всё воспринимаемое нами ясно и отчетливо — истинно. Р. Декарт полагал, что идеи действительно имеются в его уме и глубоко рефлексировал на особенности самосознания его «Я». Он писал: «наши идеи, или понятия, представляя собой нечто реальное, исходящее от бога, поскольку они ясны и отчетливы, могут быть во всем этом только истинными» [Там же, с. 287].

Согласно Р. Декарту, «Я» имеет непосредственный доступ к своей субъективной сфере, а положение «Я есмь, я существую» истинно всякий раз, как только оно произносится или постигается умом.

И. Кант писал: «...так как Я в положении Я существую означает не только предмет внутреннего созерцания (во времени), но и субъект созерцания, точно так же как тело означает не только внешнее созерцание (в пространстве), но и субъект сознания...» [35, с. 99].

Философ размышлял о метафизике нравов: «Из человеколюбия я бы согласился, пожалуй, с тем, что большинство наших поступков связано с долгом; но стоит только ближе присмотреться к помыслам и желаниям людей, как мы всюду наталкиваемся на их дорогое им Я, которое всегда бросается в глаза: именно на нем и основываются их намерения, а вовсе не на строгом велении долга, которое не раз потребовало бы самоотречения» [36, с. 178–179].

Обращаясь к обсуждению интереса, присущего идеям нравственности, И. Кант рассуждал: «...человек как бы создает самого себя, и так как он получает понятие о себе не a priori, а эмпирически, то естественно, что и о себе самом он может собрать сведения, основываясь на внутреннем чувстве, следовательно, только через явление своей природы и тем способом, каким оказывается воздействие на его сознание; между тем, помимо этого составленного из одних только явлений характера его собственного субъекта, он необходимо должен признать еще нечто другое, лежащее в основе, а именно свое Я» [Там же, с. 231].

И. Кант рассматривал Я в положении «Я существую»

Человек должен признать нечто, лежащее в основе, а именно своё Я

Наше «Я» стремится
наперед
предъявлять свои
притязания

Рассуждая о мотивах чистого практического разума, И. Кант писал о нашем патологически определяемом «Я»: «хотя оно из-за своих максим совершенно непригодно в качестве всеобщего законодательства, тем не менее, как если бы оно составляло все наше Я...» [37, с. 462]. Это «Я» стремится наперед предъявлять свои притязания в качестве первых. Это стремление делать себя самого, согласно мысли И. Канта, можно назвать *себялюбием и самолюбием*.

Мы видим, что философ возвращал психологические идеи, когда пытался проникнуть в феноменологическую суть столь значимого для человека знака-архетипа, как «Я». И далее во многих своих работах И. Кант обращался к этому многозначному «Я», несущему в себе значения целостной индивидуальности человека.

«Я» в духовной
индивидуальности
и в субъективном
единстве

Вслед за И. Кантом Г.В.Ф. Гегель пытался проникнуть в значения и смыслы «Я» – в духовную индивидуальность или в идеальность *субъективного единства*, когда субъект осознается как духовный субъект [38, с. 50]. Философ рассматривал «Я» как для себя самосознание. Он писал: «Я является для себя предметом только в своем *абстрактном* бытии, в единстве с самим собой, как *непосредственная единичность*» [Там же, с. 111]. Г.В.Ф. Гегель полагал, что *рефлексия в себя* сопряжена со свободой, которая... имеет... «своим содержанием *непосредственное, чувственное самосознание*. Поэтому Я именно как *этот* индивидуум в непосредственной единичности является целью и содержанием» [Там же, с. 113]. Феномен «Я» был специальным предметом изучения философа.

«Я» во множестве
сущностных
значений

В «Энциклопедии философских наук» («Наука логики») Г.В.Ф. Гегель также обсуждал «Я» как абстрактно-свободное, как всеобщее [39, с. 114], как единичного человека [Там же, с. 122], как нечто обусловленное [Там же, с. 184].

В «Энциклопедии философских наук» («Философия духа») философ рассматривал «Я» как всеобщее [40, с. 19, 20, 217], как всеобщее и единичное [Там же, с. 218], как для себя сущее души [Там же, с. 131], как единое [Там же, с. 46], как отношение духа к себе [Там же, с. 218], как самосознание [Там же, с. 42] и многое другое.

Проникновение
вглубь тонкой
психологической
сущности «Я»

Немецкие философы проникали вглубь столь тонкой психологической сущности «Я» человеческой личности, одновременно развивая заинтересованного человека своими идеями, переходящими в сферы Великого идеополя общественного самосознания и из него – в самосознание каждого отдельного мыслящего человека.

Внимание философов не коснулось феноменов «Они» и «Мы»

Следует специально обратить внимание на то, что если философы открыли для себя предмет субъективно-го «Я» человека, то их внимание не коснулось феноменов «Они», «Мы» и других знаков, отражающих сущностные межличностные отношения людей.

Философия открыла для себя феномен «Я». Следом за И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем многие философы, а позже и психологи сочли для себя возможным обсуждать такой столь значимый феномен личности, как «Я».

В философских энциклопедиях феномен «Я» человека долгое время не был выделен

Однако следует обратить внимание на тот факт, что в отечественной «Философской энциклопедии» 1970 г. столь значимого понятия-знака-архетипа, как «Я», еще нет [41]. Лишь спустя 40 лет, уже в новое время (XXI в.), появилась большая статья В.А. Лекторского с обзором и анализом исследований феномена непосредственно данной целостности человека индивидуальной жизни – его «Я» [42, с. 497–502].

Однако, придавая особую значимость «Я», философы и в XXI веке не сочли для себя интересными такие феномены, как «Они» и «Мы».

12. Человеческое «Я» и «Я-концепции» в психологии

Понятие «Я» чрезвычайно многозначно

Понятие «Я» многозначно в аспектах усилий философов, психологов, историков, этнографов, социологов, литературоведов, лингвистов и других представителей науки, заинтересованных в этом феномене, выражающем сущность личности. Параметры видения «Я» разными учеными весьма разнообразны. Обращусь лишь к некоторым персонам.

О многих исследованиях феномена «Я» писал И.С. Кон, когда обсуждал проблему «Я» в контексте социологии личности и психологии. По сути своей И.С. Кон – ученый-обществовед, работавший на стыке многих общественных и гуманитарных наук. Поэтому, наряду с интересом к личности ее «Я» (которое стремится сохранить свою идентичность), он рассматривал «Мы» в условиях нашего социалистического тогда общества. «Мы» идеологически довлело над человеком. И.С. Кон полагал, что Я-идентичность все-таки «затрудняет психологическое слияние и растворение в “Мы”» [43]. В то же время ученый исследовал «образ Я» и становление личности, «Я» как культурно-исторический феномен, «моральное Я» и другие ипостаси «Я» [Там же]. В конце своего жизненного пути ученый, обсуждая условия жизни соотечественников, писал: «При всех этих ограничениях обоснование права человека на собственное “Я” (См.: И. Кон «80 лет одиночества») в обществе, в

Многообразие значений «Я» в поле внимания М.М. Бахтина

котором решительно преобладало “Мы”, имело важный, и не только идеологический, смысл» [43, с. 250].

Отдельный интерес к пониманию многообразия значений «Я» представляют исследования М.М. Бахтина, которые он никогда не прекращал.

В самом начале своего пути М.М. Бахтин, обращаясь к проблеме философской эстетики 1920-х годов, начал рассматривать феномен «Я» в социально-психологическом контексте. Он писал: «С моего единственного места только я-для-себя я, а все другие – другие для меня (в эмоционально-волевом смысле этого слова). Ведь поступок мой (и чувство – как поступок) ориентируется именно на то, что обусловлено единственностью и неповторимостью моего места» [44, с. 43]. Ученый размышлял: «Формою конкретного переживания действительного человека является корреляция, но не обратимость категорий “я” и “другого”, и эта форма “я”, в которой я переживаю себя единственного, в корне отлична от формы “другого”, в которой я переживаю всех без исключения других людей» [Там же, с. 117]. В контексте обсуждаемых проблем русский филолог, философ, историк культуры обсуждал значимые для его размышления ипостаси «Я»: абсолютное «Я»; противопоставления «Я» и другого; внутреннее «Я»; другое «Я»; другой для меня; исходящее «Я»; разноценность «Я» и другого; трансцендентальное «Я»; ценностный вес «Я» и другого; чужое «Я»; я-для-другого; я-для-себя; «Я» и другие и т.д. [Там же].

В диалогах у Ф.М. Достоевского представлено противостояние «Я» и «другого»

Анализируя диалог у Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтин писал: «Основная схема диалога у Достоевского очень проста: противостояние человека человеку как противостояние “я” и “другого”» [45, с. 157].

Когда М.М. Бахтин анализировал диалог «человека с человеком», он счел, что этот диалог «является в высшей степени интересным социологическим документом. Исключительно острое ощущение другого человека, как “другого”, и своего “я”, как голого “я”, предполагает, что все те определения, которые облачают “я” и “другого” в социально-конкретную плоть... утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу» [Там же, с. 173–174]. И дальше философ обсуждал сознающее и судящее «Я»; чужое «Я»; «Я» для другого; «Я» для себя и др.

Проблемы психологического и социального «Я», а также симптомокомплекса «Я и другие»

Во всех последующих томах своих сочинений М.М. Бахтин продолжал обсуждать психологическое и социальное «я». Вникая в проблемы поэтики Ф.М. Досто-

евского*, он писал: «Герой для автора не “он” и не “я”, а полноценное “ты”, то есть другое, чужое полноценное “я” (“ты еси”). Герой – субъект глубоко серьезного, настоящего, а не риторически разыгранного или литературно-условного, диалогического обращения» [46, с. 74].

Проблема симптомокомплекса «Я и другие» имеет свои особенности: «другие» может подразумевать «мы» по отношению к «они» и «они» по отношению к «мы». «Свои» и «чужие» – это сущностно значимые для людей симптомокомплексы**.

«Я переживающее»,
«Я самонаблюдающее» у А. Маслоу

Американский психолог Абрахам Маслоу, размышляя о самоактуализации и человеческих ценностях, не раз обращался к сущностному «Я». Так, обсуждая новые рубежи человеческой природы, ученый рассматривал: *Я переживающее; Я самонаблюдающее; Я реальное* (в противоположность *Я идеальному*). Так, он писал: «Говоря языком психодинамики, вы оказываетесь менее, чем обычно, разделены на переживающее *Я* и самонаблюдающее *Я* и подходите весьма близко к тому, чтобы полностью превратиться в переживающее *Я*» [47, с. 77]. Он показал, что свойства «Я» проявляются в пиковых переживаниях (при так называемых острых переживаниях идентичности) [Там же, с. 156].

Трансценденция
противоположности
«Мы–Они» дает
возможность
обсуждать
межличностные
отношения

Для меня было важно встретиться с идеей А. Маслоу: «Трансценденция противоположности “Мы – Они”» [Там же, с. 302], которая дает возможность обсуждать межличностные отношения.

Для меня особо значимо понимание американским психологом потенциала человеческого «Я», которое способно к все большему расширению границ «Я», «вплоть до человеческого рода в целом» [Там же, с. 303]. Такое видение феномена личности я описала в контексте структурных звеньев самосознания, когда обсуждала звено психологического времени человека [26, с. 655–702]. В частности, я выражала восхищение особенностями восприятия времени обыденным человеком: «Мои наблюдения людей и анализ их суждений о феномене времени дают основание сказать, что даже обыденный мирской человек... *чувствует интерес к бытию времени как некоему явлению и к бытию себя во времени*» [26, с. 664].

* Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы».

** В этой связи можно обратиться к фильму Феликса Соболева «Я и другие» (Киевская студия научно-популярных фильмов, 1976 г.). В этом фильме я принимала участие в качестве автора ряда экспериментов и экспериментатора. Эксперименты показывали реальную зависимость человека от других.

Вполне четкие ориентиры относительно Я-концепции предложила А.М. Прихожан [48, с. 636–637]. На этом можно было бы и остановиться – негоже стремиться объять все множество понимания значений «Я».

И все-таки человеческое «Я» как магнит притягивает к себе внимание психологов, что и не удивительно: ведь «Я» – значимое обозначение своего присутствия в мире, непосредственно мне данная целостность моей сущности. «Я» и «личность» слились в сознании представителей многих цивилизаций в своем абсолютном наложении (равенстве – согласно критериям Л. Эйлера).

Именно поэтому я не готова упустить из поля своего внимания помыслы и изыскания упорно размышляющего над феноменом «Я» современного психолога – В.А. Петровского.

Многозначность
и многоликость
субъективного «Я»
В.А. Петровского

В.А. Петровский упорно обращается к познанию многозначности и многоликости субъективного «Я», которое рефлексивует изнутри на самое себя и на отстраненное видение себя со стороны. Тонко рефлексивующий психолог созерцал и познавал «“Я” в мысли и “Я” наяву» [49]. Он полагал: «Иллюзии полагать, будто бы индивидууму, говорящему о себе “Я мыслю”, “Я действую”, “Я переживаю” и т.п., присуще некое самодеятельное Я как изначальный центр и средоточие активности; обычно мнимое Я принимают за истинное. Однако присущие культуре знаковые системы, формируя прообразы Я в психике, способны приобретать статус идеи, производящей свой собственный “предмет”» [Там же, с. 62].

«Я» – фикция
сознания или некая
сущность,
обладающая особой
феноменологией?

В.А. Петровский писал: «Наш тезис состоит в том, что Я, в обычном его понимании, не существует. Я, – говорим мы, – есть фикция сознания, подобная миражу, открывающемуся скитальцу в пустыне; нужно приблизиться, чтобы выяснилось истинное положение дел» [Там же, с. 66]. В итоге своего многосферного анализа психолог формулирует ряд положений, которые презентуют абрис «Я».

В.А. Петровский вновь и вновь обращается к анализу подходов к научному определению «Я», стремясь избегать типичных для этого пути ошибок, пытается найти выход из логических тупиков и стремится определить феноменологию «Я» [50, с. 27].

Семиотический
контур, образуемый
я-маркерами

В.А. Петровский рассуждал: «Наличие семиотического контура, образуемого я-маркерами, позволяет ответить на вековечный вопрос о том, что представляет собой постоянный состав Я (о нем говорят: “субстанциональное Я”, “трансцендентальное Я”, “духовное Я”,

“Ichheit” – “Яйность” и др.) и каким образом эта константа соотносится с разнообразными преходящими содержаниями Я» [50, с. 32]. И далее он заключает: «Наш тезис состоит в том, что сущностное (исходное, определяющее) содержание “Я” характеризуется ощущением общности всех соощущений (перцептов), презентующих персональные дейксисы. К ним относятся личные и возвратные [имеются в виду притяжательные. – *Ред.*] местоимения: “я”, “ты”, “он(а)”, “они”, “мы”, “свое”, “твое”...» [Там же]. Далее В.А. Петровский поясняет и обосновывает заявленный тезис. Заметим, что этот психолог отличается азартной включенностью в проблемы, которыми занято его сознание.

Необходимость познания вероятного диапазона понятий-местоимений в контексте их архетипических сущностей

Что касается моего, авторского, пути в познании сущностного значения «Я», «они», «мы», «он(а)», «ты», «вы», то я преследую значимый для моего стремления в познании вероятный диапазон сущностных значений и смыслов: сии понятия могут быть не только местоимениями, но и архетипами – иметь значения и смыслы архетипов [26; 51; 52].

Далее я обращаюсь к обсуждению этих понятий в контексте их архетипических сущностей, определяющих наши ориентиры в межличностных отношениях.

Перейдем к обсуждению наиболее значимых архетипов, дающих сигналы нашим позициям в отношении межличностного взаимодействия групп, родов и отдельных человек.

13. «Они» – чужие, враги; «мы» – свои, настоящие люди, – в качестве архетипов, рожденных в недрах истории

Особое значение «они» в контексте реальных отношений

В трудах по этнографии делаются свои, особые акценты на так называемые местоимения, которые в рамках общения и вражды соседних родов получили в сознании людей значение особых архетипов, означающих сущностные позиции людей по отношению друг к другу. В контексте реальных отношений между людьми действительно особое значение обретают «они» и «мы».

Человек в своей истории открыл для себя иноплеменника – «они», а затем появилось «мы»

Обратимся к исследованиям историка и психолога Б.Ф. Поршнева. Он писал, что человек в своей истории открыл для себя сначала иноплеменника, а затем свое племя; сначала появилось обозначение «они», а затем «мы». Безусловно, ученый был хорошо знаком с идеями Чарльза Дарвина и классиков марксизма. Однако у него было и свое видение.

Для того чтобы появилось субъективное «мы», требовалось повстречаться с какими-то «они» и обособиться

от них. Б.Ф. Поршнев писал: «если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической, плоскости, “они” еще первичнее, чем “мы”» [53, с. 81]. Ученый полагал, что материал из истории первобытного общества и из истории разных эпох иллюстрирует, что может подчас быть очень слабо выражено и вовсе отсутствовать сознание «мы» при ясно выраженном сознании, что есть «они»: «“Они” – это не “не мы”, а наоборот: “мы” – это “не они”. Только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”» [Там же]. Б.Ф. Поршнев указывал, что «они» в истории людей ассоциировались с понятием «чужой» [Там же, с. 82].

Ч. Дарвин
скрупулезно изучал
материалы
современных ему
этнографов

Как показывают результаты исследования особенностей самосознания представителей родовых культур, исторически проживающих на сопряженных территориях, истари сложилось, что «они» – «чужие», «враги», «не люди», а «мы» – «свои», «люди», «человеки».

Ч. Дарвин отмечал, что примитивные люди были добродетельны по отношению к членам своего племени и вели себя противоположным образом по отношению к чужим: «...индеец доволен собой и уважается другими, когда он скальпирует человека другого племени...» [54, с. 231]. По поводу добродетелей первобытных народов он писал: «...у дикарей и, вероятно, также у первобытных людей, поступки считались хорошими или дурными смотря лишь по тому, насколько они могли быть непосредственно *полезны племени, а не виду или отдельному члену племени*» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 233]. Это положение Ч. Дарвина стало фундаментальным ориентиром для движения мысли многих представителей философии и наук, заинтересованных в познании человека как социально-исторического субъекта. В условиях первобытности отношение «род–индивид» отличалось ограниченностью этих отношений.

К. Маркс, исходя из материалов английского ученого, писал: «На более ранних ступенях развития отдельный индивид... еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений» [55, с. 105]. Мы можем постоянно наблюдать преемственность идей в истории философии и наук о человеке.

Этнонимы
представителей
родовых культур,
живущих на
сопряженных
территориях

Когда я занималась исследованием особенностей самосознания народностей Севера и Дальнего Востока, еще во времена СССР [56], мне удалось подтвердить многие самоназвания и названия рядом живущих пред-

ставителей других народностей, которые тщательно описал В.А. Никонов [57, с. 44–69].

Обратимся к этнонимам этих народностей.

Илэ – распространенное еще в XIX в. самоназвание эвенков – охотников и оленеводов, обитающих в верховьях рек Лены и Подкаменной Тунгуски. *Илэ* – «человек», *ил* – «народ».

Нивхи живут на острове Сахалин, по нижнему течению Амура. *Нивх* – «человек», *нивхгу* – «люди».

Югат (*юит*, *югыт*) – самоназвание эскимосов, означающее «люди», «мужчины»; *юпигит* – другое самоназвание эскимосов, означает «настоящие люди».

Чукчи – народность, живущая на крайнем Северо-Востоке России.

Луораветланы – самоназвание чукчей. Этимологическое значение – «настоящие люди», «собственно люди»; другое самоназвание чукчей – *чавчуват* (мн. число) – означает «имеющие оленей». В то же время чукчи называли своих соседей-коряков – *льетанигьытан* – «настоящий враг».

Коряки – народность, соседствующая с чукчами, обитающая в Камчатской и Магаданской областях, по языку близкая к чукчам. Самоназвание – *корак* (*кор* – олень, *-ак* – форма местного падежа) – «при оленях».

Коряки называли своих соседей *льгитаннгытан* – «настоящие враги».

Эвены (ламуты) – большая тунгусоязычная народность, близкородная к эвенкам. Часть эвенов употребляет самоназвание *орочол* – форма множественного числа слова «оленеводь». Эвены называли своих соседей *юкагиров булэн* – «враг».

Юкагиры населяют северо-восток Якутии и север Магаданской области. Самоназвание юкагиров – *одул* – «сильный, могучий».

«Они» в межродовых отношениях веками таило в себе отчуждение

Мы видим, что в истории складывалось так, что «они» – это все те, кто находился вне племени, с которым идентифицировал себя родовой человек. «Они» – враги, настоящие враги. Именно в межродовых отношениях людей, живущих на сопряженных территориях, возникают отношения отчуждения и выраженного антагонизма.

Говоря языком психодинамики, понятие «они» несет в себе заряд отчуждения и настороженного внимания к чужакам. «Мы» побуждает к сплочению и идентификации.

В процессе истории человеческого рода «они» и «мы», очевидно, стали сущностно значимыми архетипами межродовых, социальных отношений людей. «Они» подразумевало чужих, опасных врагов, от которых сле-

Возможно, «они» и «мы» были среди первых архетипов, рожденных в сознании людей

Наше «я» родилось в нашей истории позже, чем «они» и «мы»

Следует обратить особое внимание на существование отношений между «я», «ты», «мы» и др.

довало отчуждаться и обороняться. «Мы» подразумевало своих, близких по крови людей, которые были сплочены общей жизнью и общим происхождением, что побуждало к идентификации со всеми членами рода.

Вполне возможно, что «они» и «мы» были одними из первых в истории архетипами, значимыми для выживания в условиях межродовых отношений наших далеких предков. Возможно, постепенно остывая, эти архетипы в процессе индивидуализации представителей рода выстроились в истории в ряд личных местоимений единственного числа, рождаемых в чреве местоимений множественного числа. Включенные в грамматический строй родных языков, все местоимения одновременно тяготели к тому, чтобы стать выразителями архетипов социальных отношений людей.

Полагаю, что архетипические значения «они» и «мы» по-прежнему в условиях взаимодействия этносов и государств могут вспыхивать сполохами (или протуберанцами) эмоций, возникших еще в далекой древности. Шлейфы наших эмоций, возникавших в отдаленные времена, продолжают тянуться в сферу наших чувств и поныне, не отпуская нас, несмотря на наши современные идеи всемирной толерантности, вопреки нашим изощренным рефлексиям и «глубокому пониманию» того, как надо бы улучшить наше человеческое бытие на нашей планете.

Конечно же, наше «я» родилось в нашей истории значительно позже, чем наши человеческие «они» и «мы», но оно чрезвычайно значимо, когда мы обращаемся внутренним взором к таким понятиям философии, социологии и психологии, как «личность», как бердяевское «чувство личности» [58, с. 433–434; 59, с. 99], «самопознание личности», а также к значимому для психологии развитию понятию «внутренняя позиция личности» [26, с. 739–835].

Полагаю, что следует обратить особое внимание на суждения Н.А. Бердяева относительно местоимений *я*, *ты*, *мы* и *оно*. Философ показал: «Существование раскрывается не только в “я”, но и в “ты”, и “мы”» [60, с. 92]. Он полагал: «“Я” первичнее, но, когда я говорю “я”, я уже говорю и полагаю “ты” и “мы”. В этом смысле “я” дана социальность, как его внутреннее существование. Нужно делать радикальное различие между “ты” или “мы” и “не-я”. “Ты” и “мы” – экзистенциальны, “не-я” же есть объективация. “Ты” может быть другим “я”, и “мы” может стать его собственным содержанием. Но “не-я” всегда враждебно “я”, всегда есть сопротивление и препятствие. “Я” раскрывается “не-я” в лучшем случае как

половина, другая половина бытия, а не как множество других “я”, подобных его собственному “я”» [60, с. 93].

В «я» дана социальность

В «я» дана социальность – вот что хотел выразить философ.

Н.А. Бердяев указывал на то, что проблема «я», «ты», «мы» и «оно» почти не ставилась в философии, это не была ее проблема. Однако ставилась проблема реальности чужого «я». Философ задавался вопросом: «Дана ли нам реальность другого “я” и познаем ли мы его?». И отвечал, что душевную жизнь другого мы достаточно хорошо понимаем и проникаем в нее. Есть интуиция другого существа и существования, как «я» и как «ты». Он писал: «Перед объектом “я” всегда одинок и не выхожу из себя, но перед другим “я”, которое для меня есть “ты”, я выхожу из одиночества и вступаю в общение» [Там же, с. 94].

«Я» должно стать личностью

Философ рассуждал об отношении «я» к личности. Он писал: «Но “я” не есть еще личность. “Я” должно стать личностью. И общение между “я”, “ты” и “мы” помогает “я” стать личностью» [Там же, с. 97]. Н.А. Бердяев полагал: «Проблема личности есть основная проблема экзистенциальной философии. Я говорю “я” раньше, чем сознал себя личностью. “Я” первично и недифференцированно, оно не предполагает учения о личности. “Я” есть изначальная данность, личность же есть заданность. Я должен реализовывать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба» [Там же, с. 126].

Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека

Разделяю это понимание философом сущности «я» и личности. Безусловно: сознание личности и реализация личности трудно даются человеку, глубоко заинтересованному в том, чтобы быть личностью. Безусловно прав Н.А. Бердяев, когда писал: «Личность есть боль, и многие соглашаются на потерю в себе личности, так как не выносят этой боли». Безусловно: «Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека» [Там же].

Анализируя проблему «Личность и общество», философ полагал: «Личность есть целостность и единство, обладающие безусловной и вечной ценностью. <...> Личность нельзя мыслить ни биологически, ни психологически, ни социологически. Личность – духовна и предполагает существование духовного мира» [61, с. 97].

Я так поглощена идеями Н.А. Бердяева и настолько разделяю его мысли, которые здесь привожу, что давно уже не помню: я сама когда-то пережила озарение теми же мыслями или благодарно и радостно приняла их, когда-то согласившись с этим мыслителем?

Однако у меня есть и другие помыслы.

Нередко «Я» прорастает до абсолюта, нивелируя другие сущности

Для философских воззрений Н.А. Бердяева было исключительно значимо определить сущностное понимание своего внутреннего, личностного «Я». Мыслитель начал строить свои суждения с заявления: «*Я и мировая среда*» [59, с. 11]. Он помышлял о свободе, борении духа, искании смысла жизни и других значимых для личности идеях о человеке как уникальном создании – личности. Философ писал о своей человеческой сущности: «Я никогда не хотел раствориться ни в какой первостихии, стихии ли космической или стихии социального коллектива. Слишком сильно у меня было чувство личности и чувство свободы» [Там же, с. 99]. Это замечательное чувство для человека творящего, который «перестает быть дрожащей тварью», который побеждает «основной аффект жизни».

В православии Господь провозглашает: «Я есмь Сущий» [Исх. 3:14]. Он многократно повторяет: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний [Откр. 1:10]. И хотя «сотворил Бог человека по образу Своему» [Быт. 1:27], однако «нет человека, который не грешил» [3 Цар. 8:46]. Человек слаб, психически неустойчив, он способен раздваиваться, а «человек с двоящимися мыслями не тверд» [Иак. 1:8], человек греховен [1 Кор. 6:18], «но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов» [1 Кор. 15:39]. *Человек, однако, обладает свободой и чувством личности.*

«Я» – уникальная внутренняя позиция и «я» – социальная единица: обе ипостаси причастны к «они» и «мы»

Человеки, помимо своей уникальной внутренней позиции по отношению к своему «Я», остаются и социальными единицами – для них не может быть незначимым социальное «они» и «мы». Все три ипостаси накрепко связаны друг с другом.

Я ставила вопрос: не ошибался ли Борис Федорович Поршнева в своих предположениях?

Я убедилась: Борис Федорович был прав относительно понимания значений «они» и «мы». Как в далекие времена нашей истории, так и поныне «они» и «мы» могут выступать не только в значении грамматических местоимений, но и в значении архетипов, выражающих отчужденные отношения между группами (родами и др.) и идентификацию человека внутри группы.

«Хороший-плохой», «хорошо-плохо» – архетипы, имеющие давнюю историю

В логике тех же суждений можно размышлять об архетипических символах «хороший-плохой», «хорошо-плохо» и тому подобных антонимах в их известном множестве.

«Хороший-плохой», «хорошо-плохо», «добро-зло» – оценочные, знаковые архетипы, притягивающие к себе многие обозначения обыденной речи и научных понятий, объединенных общими контекстными значениями и смыслами. Недаром Н.А. Бердяев анализировал первобытное нравственное состояние людей. Философ бла-

горазумно предполагал: «...древний человек и древняя жизнь были безмерно таинственнее и загадочнее, чем это представляется антропологам и социологам» [61, с. 139]. Ссылаясь на авторитеты предшественников, он приходит к выводу, что первобытная жизнь была не только социальна, но и коммунистична [Там же, с. 143].

Н.А. Бердяев, рассматривая антонимы «добро-зло», выразил мнение, что этика нашего мира предполагает дуализм добра и зла: «Дуализм есть предпосылка этики» [Там же, с. 135], имея в виду этику языческую, первобытно-социальную, аристотельскую и стоическую.

Полагаю, что Б.Ф. Поршневу как историку и психологу была явлена из недр прошлого человечества идея относительно архетипов «они» и «мы».

Уверена, что антонимы «хороший-плохой», «хорошо-плохо», «добро-зло», «свой-чужие» так же представляют собой архетипы, рожденные в сферах социально-нормативного пространства, в реалиях, создаваемых истари нашими далекими предками.

Уникальный
диапазон архетипов

Я начала с восхищения мудростью древнегреческих философов, описавших достаточное количество разнообразных архетипов. Так уж случилось (парадокс нашей исторической памяти!), что эти знания как бы ушли из поля внимания философии и наук, заинтересованных в познании феномена человеческой сущности.

Я обсуждала уникальный диапазон некоторых архетипов, возникших в поле сознания человека в процессе нашей истории. Однако реально архетипов многочисленных сущностей явлено нам в нашей истории неисчислимое множество. Надо не только смотреть, но видеть и *увидеть*, не только слушать, но слышать и *услышать*. Архетипы нашей человеческой сущности явятся нашему разуму и дадут ориентиры в пространстве социальных отношений и в пространстве внутренней духовной жизни.

Истари
складывались
сущностно значимые
для человечества
архетипы

Резюмируя сказанное (прочитанное, продуманное, непосредственно наблюдаемое), хочу выразить мое убеждение в том, что истари, в далекие первобытные времена, *складывались сущностно значимые, общие для всего человечества архетипы*. Прежде всего смыслообразующими архетипами для всех землян стали социально ориентирующие людей рода по отношению друг к другу: «они», «мы» и много позже «я». Те же сущностные архетипические значения получили антонимы «свой-чужие», «хороший-плохой», «добро-зло» и т.п. Ука-

Существуют
и ментальные
архетипы,
принадлежащие
конкретному
сообществу

Что делать нам с
нашими
откровениями?

занные общечеловеческие архетипы приходят в наше сознание и эмоции из глубины веков.

В то же время будет справедливо говорить о ментальных, культурных архетипах, которые принадлежат лишь конкретному сообществу людей. Содержательные наполнения разных культур могут быть и не эквивалентны друг другу, но могут и пересекаться. Однако общая тенденция развития народов показывает нам, что при сохранении общих первообразов у человечества складывались и уникальные архетипы, свойственные ментальности конкретных народов.

Человеки в своей истории раскололи мир на «они» и «мы»... Неужели эти архетипы будут до бесконечности продолжать свое социально-историческое существование? Неужели мы никогда не расстанемся с этой их сущностью, определив им место лишь как местоимениям живого языка межличностного общения?

Человеки *развили* в себе амбивалентные качества, а затем *открыли* сущностно присущий им дуализм. Неужели это неистребимое состояние сущего?

Что таит для нашего разума и нашей личности проникновение в тайны открываемых нами архетипов?

1. Платон. Федон // Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 7–80.
2. Платон. Пир // Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 81–134.
3. Платон. Федр // Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 135–191.
4. Платон. Теэтет // Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 192–274.
5. Платон. Парменид // Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М., 1993. – С. 346–412.
6. Юнг К.Г. Архетип и символ: пер. с нем. – М., 1991.
7. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы: пер. с нем. – 2-е изд. – М., 2009.
8. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов: пер. с англ. – Киев, 1996.
9. Юнг К.Г. Психология нацизма. Воган // О современных мифах: сб. трудов: пер. с нем. – М., 1994. – С. 213–230.
10. Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы: пер. с англ. – СПб., 1996. – С. 16–117.
11. Флай Валерия. Христос и его апостолы // Развитие личности. – 2006. – № 2. – С. 190–192.

12. *Флай Валерия*. Христос и его апостолы // Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013. – С. 833–835.
13. *Флай Валерия*. Синдром Каина // Развитие личности. – 2007. – № 1. – С. 172–179.
14. *Флай Валерия*. Синдром Каина // В.С. Мухина, А.А. Хвостов. Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению: монография. – М., 2013. – С. 131–136.
15. *Флай Валерия*. Синдром Хама // Развитие личности. – 2007. – № 2. – С. 199–200; другая редакция: Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 196–197.
16. *Бачинин В.А.* Хам как девиантная личность // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 76–88.
17. *Флай Валерия*. Синдром Хама // В.С. Мухина, А.А. Хвостов. Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению: монография. – М., 2013. – М., 2013. – С. 49–50.
18. *Флай Валерия*. Синдром Фомы // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 136.
19. *Флай Валерия*. Синдром Иуды // В.С. Мухина, А.А. Хвостов. Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению: монография. – М., 2013. – С. 170–176.
20. *Флай Валерия*. Синдром Сатаны // Развитие личности. – 2007. – № 4. – С. 155–161.
21. *Дюркгейм Э.* Воспитание, его природа и роль // Социология образования: пер. с фр. – М., 1996. – С. 10–31.
22. *Дюркгейм Э.* Подражание // Самоубийство: Социологический этюд; пер. с фр. с сокр. – М., 1994. – С. 92–117.
23. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.
24. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994. – (Серия: «Психология: Классические труды»).
25. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М., 1960.
26. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.
27. *Мухина В.С.* Социально-психологическая сущность личности: Возможно ли полное воплощение в человеке исторически обусловленных чаяний человечества? // Развитие личности. – 2014. – № 3. – С. 77–107.

28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. в 50 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955. – С. 7–544.
29. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955. – С. 1–4.
30. *Поршнев Б.Ф.* Мы и они // Социальная психология и история. – 2-е изд., доп. и исправл. – М., 1979. – С. 73–126.
31. Словарь русского языка: в 4-х т. – 2-е изд., исправл. и доп. – М., 1981–1984.
32. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – 2-е изд., исправл. и доп. – М., 1952.
33. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1981–1982.
34. *Декарт Р.* Рассуждения о методе. Начала философии // Избр. произведения: пер. с фр. – М., 1950.
35. *Кант И.* Психологические идеи // Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. 1783: Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 94–99.
36. *Кант И.* Основоположение метафизики нравов. 1785: Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 153–246.
37. *Кант И.* Критика практического разума. 1788: Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 373–480.
38. *Гегель Г.В.Ф.* Религия духовной индивидуальности // Философия религии: в 2-х т. Т. 2. – М., 1977. – С. 50–199.
39. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Наука логики. – Т. 1. – М., 1974.
40. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Философия духа. – Т. 3. – М., 1977.
41. Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970.
42. *Лекторский В.А.* Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 4. : Т–Я. – М., 2010. – С. 497–502.
43. *Кон И.С.* Социология личности. – М., 1967; *Он же.* Открытие «Я». – М., 1979; *Он же.* Социология личности // 80 лет одиночества. – М., 2008. – С. 242–254.
44. *Бахтин М.М.* Собр. соч. – Т. 1. Философская эстетика 1820-х годов. – М., 2003.
45. *Бахтин М.М.* Собр. соч. – Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. 1929. – М., 2000.
46. *Бахтин М.М.* Собр. соч. – Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. – М., 2002.
47. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. – 2-е изд., испр. – М., 2011.
48. *Прихожан А.М.* Я-концепция // Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков,

В. Зинченко. – СПб., 2003. – (Проект «Психологическая энциклопедия»). – С. 636–637.

49. *Петровский В.А.* «Я» в мысли и «Я» наяву // Развитие личности. – 2011. – № 3. – С. 62–93; *Он же.* Я в мысли и Я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность / под. ред. В.Н. Поруса. – М., 2012. – С. 195–223.

50. *Петровский В.А.* Понимание «Я»: по ту сторону «порочного круга» // Развитие личности. – 2013. – № 1. – С. 27–50.

51. *Мухина В.С., Хвостов А.А.* Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. – М., 2011.

52. *Мухина В.С., Хвостов А.А.* Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. – М., 2013.

53. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – 2-е изд., дополн. и исправл. – М., 1979.

54. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. – М., 1953.

55. *Маркс К.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 46. Ч. I. – 2-е изд. – М., 1968. – С. 51–508.

56. *Мухина В.С.* Проблемы генезиса личности: учебное пособие к спецкурсу. – М., 1985; *Она же.* Я, другое Я и «не-Я» // Развитие личности. – 2013. – № 3. – С. 53–85.

57. *Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 44–69.

58. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М., 2011.

59. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). – М., 1990.

60. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов // Дух и реальность. – М., 2003. – (Philosophy). – С. 23–156.

61. *Бердяев Н.А.* Опыт парадоксальной этики. – М., 2003. – (Philosophy).